

ДЕТСКАЯ

Александр Моисеев

ЖИВЫЕ

Рассказы

Мама дорогая

Все мое детство бабушка мне рассказывала, чего нельзя делать.

Самое главное, конечно, не есть дыню ни с чем, а то умрешь. Да и вообще все бабушкины наставления кончались одинаково печально.

Когда какаешь, не тужься сильно, а то кишочки выйдут.

Если верхнюю часть белка круто сваренного яйца проглотить, горлышко забьется.

Ветки ломать нельзя, потому что отскочит кусочек и в глаз войдет.

Когда яблоки кушаешь, обязательно шкурку чистить, а то она к животику внутри прилипнет, и больше кушать не сможешь и умрешь.

И ладно бы у меня была только одна бабушка. У меня их было целых две. Обе, конечно, умерли. Не знаю, от чего, то ли к кишочкам что-то прилипло, то ли горлышки забились, но бабушек у меня нет. Как, впрочем, и дедушек.

О дедушках я мечтал. Потому что ни одного не видел. Не знаю уж, что с ними сделали бабушки, но каждый вечер, ложась спать, я представлял себе пирата и военного летчика, которые оба были моими дедушками и оба грубо грохотали в рупоры провожающим: «Провожающих просим прощения, но мы отправляемся!»

Один дедушка, стоя в своей знойдвестке под шквальным ветром на палубе, поднявшейся на сорок пять градусов над уровнем поднявшегося на сорок пять градусов океана, ругал во все градусы бабушку за то, что она превращает внука в слюнтя.

А второй дедушка, когда хриплым голосом кричал «От винта!», производил вдобавок не слышимое механиками «От винта и погибнешь», имея в виду потенциально кривые руки внука, которого бабушка уж явно не научит ничему хорошему.

Когда, болея и лежа в кровати, я водил пальцами по рисункам на обоях, каждая из бабушек, закатив глаза, произносила только: «внучек бы жив остался».

Александр Моисеев — родился в Баку в 1979 году. В 2002 году окончил филологический факультет УрГПУ. Учитель высшей квалификационной категории. Лауреат конкурса «Учитель года»–2018 г. Педагог программы «Литературное творчество» всероссийского образовательного центра «Сириус». Директор школы. Автор книги стихов «В темноте печальных пригородов». Живет в Екатеринбурге. В журнале «Урал» публикуется впервые.

Внучек оставался жив с завидной регулярностью, дедушек не появлялось, мама с папой не вступались за меня в этой битве шаманов, а бабушки терпеть не могли друг друга.

«Эта дура» и «деревенщина» сражались за меня без поддержки даже собственных детей. Только внук видел и понимал всю сложность выстраиваемых тактико-стратегических комбинаций. Мама и папа относились к войне как к игре, по большей части улыбаясь и посмеиваясь.

Бабушки во всем были противоположны друг другу. И объединяло их только одно: обе они в каждой непонятной ситуации произносили «мама дорогая!».

Когда умерла первая (не по любви, а по порядку) бабушка, от нее остался конверт, где лежала фотография со мной и второй бабушкой. А еще листок из отрывного календаря с датой моего рождения и бисерным почерком приписанной поверх текста о социалистическом соревновании строчкой, обращенной к моей маме: «Люсь, если он хочет с этой дурой — пусть едет, я не возражаю».

Через несколько лет я случайно нашел спрятавшийся за фотографией в фотоальбоме листок из блокнота: «Мама дорогая, Раиса, ну неужели ты думаешь, что я против того, чтобы наш внук и у тебя тоже провел время, несмотря на наши отношения».

Бабушки лежат в одной ограде на Северном кладбище.

А волосы дедушек треплет северный ветер.

Пожилые люди

Бабушка у меня — просто огонь! Хотя и старая. То есть пожилая. Мама говорит, что называть пожилых старыми — невежливо. Но мне кажется — мама не права.

Пожилые в нашей семье — мама и папа, а старая — бабушка. Ну и лабрадорша Вита тоже старая — собаки этой породы живут лет 10–12, а Вита — моя ровесница, значит, ей одиннадцать, и по собачьим меркам жизнь ее к финалу близится.

А я по-человечески еще ребенок. В общем, все сложно. Я когда обо всей этой философии думать начинаю, у меня голова кругом идет.

Это я у бабушки научилась так говорить: «голова кругом идет». Значит — совсем запуталась. Вообще если к бабушкам прислушиваться, можно кучу интересных выражений узнать и «обогащить словарный запас». Например, когда я в школе произношу «рухлядь», «аврал» или «толмач», наша учительница по русскому очень радуется, а одноклассники ржут и спрашивают, че это я опять выдумала.

Папа с мамой пожилы уже много, много чего видели и много знают. Вообще-то, когда люди много чего знают, они часто такими душными бывают, когда свои знания напоказ выставляют.

Но мои мама с папой не такие. Они хоть и пожилые, но совсем не душные, а наоборот, как говорит папа, «проветренные», потому что они с мамой работают на стройке крановщиками, сидят на самой высоте каждый в кабине своего крана, и их со всех сторон обдувает ветер. Наверное, потому что они смотрят на мир с такой большой высоты, они видят и знают больше, чем остальные. А может быть, потому что они дома постоянно книжки читают.

Книг у нас дома полно. И на стеллажах, и на полках, и в шкафах. И даже в туалете на полочке. Я с самого детства привыкла к книгам и тоже много читаю. Не думаю, что благодаря книгам я знаю больше, чем мои ровесники, просто, наверное, как-то по-другому знаю, с другой точки зре-

ния. А может быть, это потому, что мы живем на двадцать пятом этаже, и я привыкла смотреть на мир с этой высоты.

Но вот бабушка, например, точно знает больше, чем все, кого я знаю. Хотя живет она гораздо ниже, чем мы, и никогда не работала крановщицей. Она в молодости работала бухгалтером, считала цифры и перекладывала с места на место бумажки. Просто ей, по-моему, все интересно. Вообще все. Она даже аниме вместе со мной смотрит иногда. Не все подряд, только которые ей нравятся.

После того как бабушке надоело работать бухгалтером, она начала искать какую-то работу, чтобы ей было интересно. А так как интересно ей было вообще все, то и работ за свою жизнь бабушка сменила много. Однажды, например, она уехала на год на остров Шпицберген, где работала смотрителем маяка. А потом еще на год устроилась служителем зоопарка куда-то в Среднюю Азию.

В общем, пожила бабушка!

Я пока почти нигде не была. На море была, на лыжах с мамой и папой зимой катаюсь, в поход ходила. Но это, конечно, пока немного. Хотя побольше, чем у некоторых моих одноклассников.

Может, я тогда тоже немножко пожилая?

Если так, то я не понимаю, чего пожилых жалеют: ведь это так интересно — быть пожилым.

Рыбы цапки

Сочинение

Я очень люблю свою бабушку. Она добрая, красивая и умная.

Моя бабушка училась в университете и потом в нем же работала всю жизнь.

Моя мама — художник, и бабушка все время говорит, что мама могла бы стать новым гением, если бы не связалась с моим папой, который не ценит ее талант, а только возит все время в разные страны, где мама вместо того, чтобы писать картины, купается в океане и живет в дорогих гостиницах, хотя лучше бы писала картины. Я все время езжу с мамой и папой в эти разные страны, купаюсь в океане, гуляю по горам, но, в отличие от мамы, постоянно рисую.

У бабушки дома уже целая полка моих рисунков.

Я рисую обычно фломастерами, хотя бабушка говорит, что у меня лучше получается акварелью. Но акварелью я рисовать не люблю, мне нравятся четкие линии.

Я, когда рисую, не придумываю названия, а бабушка всегда придумывает, как назвать мой рисунок. Она мои рисунки называет картинами и всегда на обороте подписывает дату и название. Мне обычно не очень понятно, почему бабушка называет какую-то мою картину именно так. Например, рисунок, где я нарисовала белого медведя, бабушка подписала: «Снежинка». Мой портрет собаки, кстати нарисованный красной акварелью, бабушка назвала почему-то «Вольфганг», а портрет нашего усатого учителя истории — «Человек с гусеницей».

Я обычно просто дарю бабушке свои рисунки, и раньше не знала, что бабушка их подписывает, пока в прошлом году мы с мамой и папой не приехали к ней в гости на юбилей. Там было много гостей, и все говорили про бабушку хорошие слова и пили вино. Особенно мне понравился толстый лысый дедушка без зубов, которого мама называла для папы «тот самый Иванов». Он много шутил и смешно пыхтел, когда вставал из-за стола.

В тот раз мама попросила бабушку порассматривать семейные архивы, и вот тогда-то вслед за старинными фотоальбомами, коробками с елочными игрушками с полки достали мои рисунки, и я вдруг увидела, что все они подписаны.

Мама, когда читала все эти подписи, почему-то вытирала слезы, и они с бабушкой обнимались и по очереди гладили меня по голове.

В тот день я привезла бабушке в подарок новый рисунок, где на берегу стоял человек с удочкой. Мне кажется, у меня получилось показать, как он с трудом выуживает из воды рыбу. Удочка изогнулась, леска натянулась, человек в напряжении тянет рыбу к берегу. Когда я складывала рисунок в сумку перед поездкой к бабушке, я очень торопилась, акварель еще не до конца высохла, и сейчас, вытащив рисунок и показывая его, я увидела, что прямо под ногами рыбака на берегу оказались мелкие смазанные полоски.

— Вот на это, бабушка, не смотри, я потом приеду и замажу, — сказала я.

А бабушка, вытирая с лица слезы, сказала:

— Ты что, не надо. Это же самые настоящие рыбки цапки.

Обои, дождь и жилетка

Когда болит горло и ты лежишь в постели, нет ничего занятнее, чем разглядывать узоры на обоях.

На обоях в моей комнате узоры менялись много раз. Во-первых, из-за переездов, а во-вторых, из-за ремонтов.

Ну, с переездами все понятно, там просто необходимо было наклеивать новые обои. Хотя я до сих не понимаю, почему нужно было выбирать вот эти, в страшных розочках. Чтобы в цветочном орнаменте построить маршрут героя, движущегося из точки А в точку Б, приходилось придумывать такие замысловатые сюжеты, которые сегодня мне и в голову не придут. Цветы были только двух типов: розообразные и ромашкообразные.

Розообразные цветы сложны. Если учитывать, что линии рисунка представляли из себя стены, которые герой не мог преодолеть, то розообразность близка к лабиринту. Авторы рисунков вставляли в один бутон десятки лепестков, по форме напоминающих плохо нарисованные сердца. Линии никогда не сходились в одну точку, тем самым предоставляя вымышленному герою возможность (или необходимость) обходить похожие одна на другую стены десятки раз, чтобы выбраться из бутона.

Ромашкообразные были гораздо проще. Замкнутая окружность, вокруг которой несколько лепестков. Там даже внутрь не войдешь: как правило, линии замкнуты. А если войдешь, то выход очень прост: иди вдоль овальной стены и скоро выберешься наружу.

Но цветы — не самое сложное. Гораздо сложнее было преодолеть придуманные обойными дизайнерами лабиринты стеблей. И тут розообразность с ромашкообразностью никак не влияли на сложность прохождения маршрута. Стебли — как правило, очень длинные, чтобы создать у граждан иллюзию высоких потолков, — пересекались, ветвились, соединялись, превращались в соцветия, из которых вырастали все новые и новые розы и ромашки.

Методикой преодоления препятствий в этих джунглях я владел в совершенстве. Сейчас, впрочем, кому ни объясню, никто не понимает.

Если тебе ставят горчичники или — не дай бог — банки, ты лежишь на животе, повернув голову в сторону обоев (нет смысла смотреть в сторону комнаты — там или переживающая бабушка стоит, руки сложив на переднике, или мама). Итак, ты обездвижен. Единственное, что может двигать-

ся, это твои зрачки. И вот они-то и находят ту точку, из которой загнанный в угол обстоятельствами герой начнет движение.

Сначала общий обзор карты. Вертикали стеблей, радиусы бутонов и соцветий. Проверка наличия прерывистости линий. Найти точку начала пути. Тут важна привязка глаз: когда горчичники или банки снимут, тебя начнут укрывать одеялом, укутывать и лепетать что-то о необходимости сохранить тепло. Тут важно помнить точку начала пути, потому что мама или бабушка будут требовать печального взгляда в глаза (они же не знают, что ты уже начал сложный путь от бутона возле изголовья кровати к бутону возле шкафа).

Самое печальное, если в середине пути наступает вечер и взрослые приходят выключать свет. Я однажды попробовал объяснить, почему мне необходимо видеть обои, меня не поняли, и я с тех пор научился стратегии прохождения пути с закрытыми глазами (все-таки обои не так часто менялись, чтобы не запомнить узоры для их восстановления в памяти).

Все изменилось, когда появилась вторая бабушка.

Я даже и не знал, что бабушек может быть две. Ведь все ясно: у человека есть мама, папа и бабушка (да, я что-то слышал о дедушках, но сам их никогда не видел). Вторая бабушка вошла в квартиру очень громко, говорила громко и даже горчичники мне на спину ставила громко. Она постоянно что-то передвигала, переставляла, двигала, обсуждала с мамой дела, спрашивала у папы, как у него на работе, и спорила с настоящей — первой — бабушкой о способах лечения моего горла. Новая бабушка, как мне кажется, совершенно логично интересовалась, зачем мне ставят горчичники и банки на спину, если болит у меня горло. Мне показалось, что она шутила, когда предлагала тогда уж поставить мне банку на горло, но мама закашлялась, отозвала папу в сторону и что-то ему говорила громким шепотом. Мы с новой бабушкой переглядывались, но не мешали, а старая демонстративно вязала крючком салфетку.

А новая бабушка связала спицами жилетку. Мне. Теплую.

И я — вот честно — почти перестал болеть.

Жилетку я носил, не снимая, круглый год. Даже летом, глядя утром на небо и видя угрюмую серость, я говорил маме, что сегодня холодно и, пожалуй нужно, чтобы не простыть, надеть жилетку. Я носил ее два года. Рос я в детстве не очень быстро, и на второй год жилетка все еще налезала на меня. Сначала поверх рубашки, потом поверх майки. А потом новая бабушка (которая, конечно, была уже совсем не новая) что-то с жилеткой сделала, и жилетка снова начала налезать поверх рубашки.

Когда новая бабушка ушла, как мне сказали, к бабушке, которого я никогда не видел, старая бабушка заставила меня надеть жилетку, хотя было лето и на улице было очень жарко. Она плакала и почему-то постоянно говорила «такая молодая». Молодых вокруг меня никого не было, кроме соседской внучки, но так как соседскую внучку никто никогда не вспоминал, то я подумал, что старая бабушка плачет не о ней.

Мы поехали в какую-то столовую, там вкусно поели, хотя взрослые не веселились, а папа и вовсе плакал, и вернулись домой.

Дома я лежал в бабушкиной жилетке, смотрел на обои и слушал, как шумит за окном первый осенний дождь.

Лишний кот

Она была какой-то папиной родственницей, то ли двоюродной теткой, то ли двоюродной бабушкой, но папу моего она любила как сына, которого у нее никогда не было. Одинокая, единственная в своем роду бездетная,

жила баба Нина всю жизнь в деревне, на окраине, к родственникам, разбросанным по городам, никогда не ездила, но к себе зазывала всех.

Она садилась на автобус, приезжала в райцентр, шла на почту и отбивала телеграммы: «Жду нетерпением созревает черешня Нина», «На пруду пошел лещ берите удочки Нина», «Тузик стервец изорвал перину Люся привези ткань Нина».

Была баба Нина веселой и сильной и все умела. Не умела она только читать и писать. Отправляя телеграммы, она протягивала в окошко записную книжку, где на каждой странице разными почерками ее родственников были записаны имена и адреса.

— Найди там Толика из Липецка, адрес написан, вот туда и телеграфируй, — говорила баба Нина на почте.

Начиная со своих шести лет в каждый наш приезд я пытался учить ее грамоте. Я даже добился того, что баба Нина как-то написала на листке имена своих котов: «Тузик, Антон, Мотка» (это значит Мотька — мне так и не удалось объяснить ей необходимость мягкого знака).

Больше всего баба Нина мечтала надписать открытку. Мы много тренировались. Но получалось у нее плохо. На третьем-четвертом слове она сбивалась, возвращалась назад, читала буквы, но было видно, что она уже потеряла смысл написанного. Она расстраивалась, махала рукой и уходила во двор.

В январе, когда мне исполнилось двенадцать лет, нам пришла телеграмма: «Нина умерла похороны седьмого соседа Ивашовы». Папа с мамой засобирались и уехали. «Останешься на несколько дней один», — сказали они.

А на следующий день, возвращаясь из школы, в почтовом ящике я нашел новогоднюю открытку. На обороте аккуратным почерком был написан наш адрес и адрес отправителя — бабы Нины. И крупными печатными буквами: «Тузик Антон и Мотка привели кота теперь у меня лишний кот как у вас дела с новым годом целую Нина».

Живые

Тетя Флора и моя мама очень дружили. Наши семьи жили в квартирах одна напротив другой на первом этаже пятиэтажного дома. Когда мама и тетя Флора были на работе (каждая — на своей), вместо них дружили моя бабушка и мама тети Флоры — бабушка Роза. Я в это время был в школе и там дружил с сыном тети Флоры — Арцахом.

Когда я был маленьким, не знал, что все имена в семье наших соседей какие-то растительные. Думал, что одна бабушка Роза из мира цветов и растений, но потом мой папа рассказал мне, что значит Флора, и я очень удивился и обрадовался, потому что обе они — и мама, и дочь — в самом деле были какими-то цветущими: у бабушки были пушистые волосы фиалкового цвета, а тетя Флора хоть и была черноволосой, но всегда вкусно пахла цветами.

Я делал уроки, когда позвонили в дверь, и мама пошла открывать. Я услышал встревоженные голоса и вышел посмотреть, что случилось. В тот момент, когда я выглянул в коридор, баба Роза как раз падала прямо маме на руки. Моя бабушка говорила, что мама — сильный человек, но и она не смогла удержать бабу Розу, и та мешком сползла из маминых рук на пол в прихожей.

Тети Флоры и Арцаха дома не было, они уехали на несколько дней проведать больную тети-Флорину сестру в город Спитак. Я в Спитаке не был, но Арцах рассказывал, что там нет ничего интересного, наш город гораздо

лучше, и лучше было бы, если бы сестра его мамы жила в нашем городе, чем там, чтобы не приходилось несколько раз в год ездить к ней в гости.

Я никогда не видел, чтобы человек мог так долго молчать и качаться в разные стороны, как маятник. Как баба Роза, когда она сидела у нас дома на диване. Глаза у нее были открыты, но она как будто никого не видела. И все качалась из стороны в сторону. А мама сидела рядом, держа ее руку в своей, и так же, как безостановочно качалась баба Роза, мама гладила ее руку.

Папа пришел с работы хмурый, быстро поел, быстро собрал свой чемоданчик для командировок, поцеловал меня и снова ушел. Мама сказала, что он в командировку в Спитак. Там произошло землетрясение и разрушено много домов. Тогда я вдруг сразу понял, что с бабой Розой, мне самому стало очень плохо и захотелось качаться из стороны в стороны. Но я взял книгу и попытался читать, хотя не очень получалось: глаза постоянно бегали по одной и той же строчке.

Когда я пошел чистить зубы перед сном, раздался телефонный звонок. Я услышал мамин голос, сначала встревоженный, а потом радостный. А потом услышал плач. Я очень испугался, выглянул из ванной и увидел, как мама, бабушка и баба Роза стоят, обнявшись, возле телефона и рыдают.

Я громко крикнул:

— Что случилось?

— Живые! — сквозь слезы прокричала баба Роза. — Живые!

И тогда я вернулся в ванную комнату, закрыл за собой дверь и почему-то тоже заплакал.